

Аркадий Гайдар

ЧУК И ГЕК

РАССКАЗЫ

Аркадий Петрович Гайдар

Чук и Гек

Серия «Яркая ленточка»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68607570

Чук и Гек. рассказы: Махаон : Азбука-Аттикус; Москва; 2022

ISBN 978-5-389-22454-4

Аннотация

Аркадий Гайдар – человек-легенда. О его жизни рассказывали самые небывалые истории, и все они – чистая правда. Он же говорил о себе: «Это была обыкновенная биография и необыкновенное время». В 14 лет он ушёл на Гражданскую войну, в 17 командовал полком, а погиб на фронте уже Великой Отечественной войны. Писать стал в 20-е годы XX столетия и в своих произведениях создал счастливую страну, в которую и сам свято верил. На его книгах выросло не одно поколение советских детей.

Содержание

Четвёртый блиндаж	10
Голубая чашка	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Гайдар А. П.
Чук и Гек
рассказы

© Плевин В.Ф., иллюстрации, 2022

© Оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Ат-
тикус», 2022

Machaon®

* * *

Аркадий Гайдар

ЧУК И ГЕК

РАССКАЗЫ

Художник
Владимир Плевин

Москва
«Махаон»

Четвёртый блиндаж

Кольке было семь лет, Нюрке – восемь. А Ваське и вовсе шесть.

Колька и Васька – соседи. Обе дачи, где они жили, стояли рядом. Их разделял забор, а в заборе была дыра. Через эту дыру мальчуганы лазили друг к другу в гости.

Нюрка жила напротив. Сначала мальчишки не дружили с Нюркой. Во-первых, потому, что она девчонка, во-вторых, потому, что на Нюркином дворе стояла будка со злощей собакой, а в-третьих, потому, что им и вдвоём было весело.

А подружились вот как. Приехал однажды к Ваське из Москвы его задушевный товарищ – Исайка Гольдин.

Исайка был ровесником Васьки и был похож на Ваську. Только что чуть-чуть потолще, да волосы у Исайки почернее, да ещё было у Исайки ружьё, которое стреляло пробками, а у Васьки не было.

Приехал Исайка с отцом в выходной день. И вздумали ребята в лапту играть. А в лапту, известное дело, втроём не играют – обязательно нужно четвёртого.

Пошли за Павликом Фоминым, который жил неподалёку. Но у Павлика болел живот. В лапту играть его не пустили, и сидел он дома совсем печальный, потому что выпил недавно касторки.

Что тут будешь делать? Где взять четвёртого? Вот Васька

и говорит Кольке:

– А давай позовём Нюрку?!

– Давай, – согласился Колька, – у неё ноги вон какие длинные, она не хуже козы бегают.

Исайка согласился тоже.

– Только, – говорит Исайка, – хоть у меня ноги и короткие, а я тоже хорошо бегаю, потому что Нюрка без припрыга бегают, а я с припрыгом.

Позвали Нюрку.

– Иди, Нюрка, с нами в лапту играть.

Нюрка сначала очень удивилась. Но потом, видя, что ребята всерьёз зовут, ответила:

– Я-то бы пошла, да мне сначала огурцы полить надо. А то взойдёт солнце и рассада повянет.

Увидали ребята, что дело это с поливкой долгое будет. Тут Исайка и выдумал:

– Давайте мы тоже поливать будем. Одни воду подтаскивают, другие поливают, тогда раз-раз – и готово. А то одна она и до полдня прокопается.

Так и сделали. Сыграли в лапту десять конов. Сбегали на речку купаться. Потом Исайка с отцом уехали в город. И с того-то самого дня подружились Васька и Колька с Нюркой.

Жили они от Москвы недалеко, в посёлке, у самого края. Дальше начиналось поле, поросшее мелким кустарни-

ком. А ещё дальше, на горе, виднелась мельница, церковь и несколько домиков с красными крышами – то ли станция, то ли деревенька – издали не разберёшь.

Как-то Васька спросил у отца, как называется эта деревенька.

– Это не настоящая, – ответил отец, – это всё нарочно сделано.

– Как же не настоящая? – удивился Васька. – Как же не настоящая, когда и мельница, и церковь, и дома?.. Всё видно.

– А так и не настоящая, – рассмеялся отец. – Отсюда кажется, что и мельница и дома... А подойдёшь поближе, там ничего нет.

Удивился тогда Васька, но не поверил. И решил, что отец посмеялся или просто сказал так, чтобы от него отстали.

Полез к Кольке через заборную дыру. Глядит, а Колька с Нюркой сидят на заборе и что-то интересное в поле высматривают. Обиделся Васька и закричал им снизу:

– Вы что же это, сами интересное высматриваете, а меня не позвали?

А Колька отвечает:

– Мы только сейчас сами залезли. Я давно уже хотел сбежать за тобой. Залезай скорей на забор. Посмотри, какие красноармейцы с пушками приехали!

Залез Васька, смотрит: совсем рядом в кустах кони стоят, повозки на двух колёсах и пушки.

– Ну и ну! – сказал Васька. – Это что же такое дальше будет...

– А вот посмотрим, – ответила Нюрка. – Мы уже давно здесь сидим и всё дожидаемся.

– Ладно, – напомнил им Васька, – другой раз и я тоже раньше вашего сяду и вам ничего не скажу.

Но всё-таки на этот раз они не поссорились, потому что в кустах начиналось что-то очень занятное.

Лошадей у каждой пушки было по шесть штук – по три пары на пушку. Лошади отцепились от пушек как-то сразу, будто бы вагоны от паровоза. Красноармейцы возле пушек забегали и что-то такое крутили, ворочали, потом отбежали назад. Остался рядом с пушкой только один. И тот, который остался, держал в руке длинный шнур, привязанный к пушке.

– Ты, Колька, не знаешь, зачем это он за шнурок держится? – спросил Васька, усаживаясь поудобнее.

– Не знаю, – сознался Колька, – только если держится, то уж, значит, так нужно.

– Обязательно так нужно, – подтвердила Нюрка.

– А то если бы он не держался, тогда как же? – продолжал Колька.

– Ну конечно, – согласился Васька, – если бы не держался, тогда как же?..

Но тут красноармейский командир, который стоял позади с телефонной трубкой, что-то громко закричал. Другой ко-

мандир, который стоял поближе к пушке, тоже что-то крикнул, махнул рукой, и тогда красноармеец дёрнул за шнурок.

Сначала сверкнул огромный огонь. Потом так ударило, как будто бы гром грохнул над самой печной трубой.

Ребята слетели с забора на траву.

– Ну и бабахнуло! – сказал Васька, поднимаясь.

– Здорово бабахнуло, – согласилась побледневшая Нюрка.

– Это вот когда дёрнут, тогда и бабахнет, – объяснил Колька. – А вы говорите, зачем шнурок да зачем! Я теперь сразу угадал – зачем. А вот скажи, Васька, почему ты с забора соскочил и меня с Нюркой спихнул?

– Я не соскочил, – обиделся Васька. – Это Нюрка первая соскочила, тряхнула забор, я свалился.

– Я не первая, – отказалась Нюрка. – Если бы я первая, то как бы я Кольке на спину упала?! Это он сам первый.

– Вот ещё! – рассердился Колька. – Это ты просто побоялась в крапиву падать и нарочно выбрала так, чтобы мне на спину. А я вот не побоялся и всю руку изжёл. – И, обернувшись к Ваське, он добавил: – Они все, девчонки, крапивы боятся. Куда уж им!

С тех пор красноармейцы с пушками приезжали часто. Только в среду да в понедельник стрельбы не бывало. А то каждый день.

Как только приедут артиллеристы, так бегут ребята прямо к кустам. Сядут на бугорочке, совсем близко, и смотрят: с бугорка всё видно и всё слышно. Слышно, как телефонист послушает в трубку и потом говорит командиру:

– Прицел 6–5, трубка 7–2.

Тогда командир кричит:

– Второе орудие!.. Прицел 6–5, трубка 7–2.

И бегут сразу красноармейцы ко второму орудью. Покрутят какое-то колесо, и орудие немного вверх приподнимают-

ся. Покрутят другое, и ствол орудия немного в сторону отойдёт. Тут, когда нацелятся артиллеристы, командир махнёт рукою – дёрнет красноармеец-наводчик за шнурок. Вот тебе и трах-бабах!

Куда летит снаряд – этого ребятам не видно. Но когда долетит и разорвётся, то тогда уже видно, потому что над этим местом поднимется целое облако пыли и чёрного дыма.

И все снаряды рвались то около церкви, то около мельницы, то около домиков, которые виднелись далеко на горке.

– А страшно в той деревеньке жить! – сказала как-то Нюрка. – Я бы ни за что не осталась там жить. А ты, Васька?

– И я бы не остался, – ответил Васька. – А отчего это отец говорил, что там никакой деревеньки нет и всё это только отсюда кажется?

– Деревенька есть, – решил Колька, – да только из неё перед стрельбой все уходят.

– А лошадей куда?

– А лошадей тоже уводят.

– И коров тоже? – спросил Васька.

– И коров тоже, и разных там свиней, и баранов.

– И куриц тоже уводят? – полюбопытствовала Нюрка. – И уток тоже, и всех?

– Должно быть, уж и всех, – ответил Колька и замолчал, потому что самому ему чудным показалось такое дело.

Как раз тут стрельба окончилась, подвезли красноармейцам котёл на колёсах – кухню. Стал наливать им повар в ко-

телки что-то – суп или борщ, а красноармейцы садились тут же на траву и ели. Тогда Васька сказал:

– Побежим домой. Я что-то поесть захотел.

Но Колька остановил:

– Погоди-ка немного, сюда командир едет.

Подъехал верхом командир. И возле самого бугорка остановился: закурить захотел. Вынул папиросы, вынул спички, стал зажигать. Да тут то ли его коня слепень укусил, то ли просто он забаловался, а только дёрнулся конь и зафырчал.

Ухватился командир за повод.

– Стой, – говорит, – шальной! Чего крутишься?

А спички-то и выронил.

– Ребята, – попросил командир, – подайте-ка мне спички.

Васька всех ближе стоял. Схватил он коробку, да поскользнулся и упал. А Кольке обидно стало, что Васька подавать хочет. Подскочил он к Ваське и вырвал у него коробку. Васька как заорёт да Кольку кулаком по голове. Тут и началась у них драка. А Нюрка тем временем тихонько, боком, боком... подобрала спички да и подала их командиру. Вот тебе и тихоня!

Посмеялся над ребятами командир, сказал им «спасибо» и ускакал.

Тогда Васька и Колька перестали драться и хотели отлупить Нюрку, зачем она со спичками вперёд сунулась.

Но Нюрка испугалась и убежала. А разве её, длинноногую, догонишь?!

Так вот и поспорились ребята. На другой день ни Васька к Кольке через заборную дыру не лезет, ни Колька к Ваське. А Нюрка тоже у себя на дворе возится.

Походил-походил по двору Васька – скучно! Достал палку, сел на неё верхом и проехал кругом двора три раза – всё равно скучно. Заглянул он в дыру, видит – Колька с луком и стрелами ходит. В фуражку перо воткнул и будто бы индеец. Обидно стало Ваське. Просунул он голову в дыру и закричал:

– Отдай, Колька, перо, оно не твоё, а наше! Это ты у нашего петуха из хвоста выщипал.

Тут Колька поднял с грядки ком земли. Как запустит его в Ваську, да прямо в живот! Хоть и не больно было Ваське, а всё-таки он заревел.

Васькина мать на крыльцо вышла и начала Кольку ругать. Да и Ваське заодно попало. На другой день ребята – враги. На третий день – тоже враги.

А тут как раз подошло грибное время. Другие ребяташки с соседних улиц соберутся с утра и идут или в Борковский лес, или на Тихие овраги. Глядишь, к обеду тащат – кто корзинку, кто лукошко. Да грибы-то всё какие – белые! Сахар, а не грибы.

А Ваське одному идти скучно, он и не идёт. Колька тоже не идёт. А Нюрка и подавно – скучно одной.

Сидит как-то Васька у себя на дворе и играет в поезд. Па-

ровоз у него хоть не настоящий, а из ящичков сделан, но всё-таки интересно. Приладил он старую самоварную трубу да и дудит. Ду-у-у! А сам раскачивается. Ящички хотя и не едут, но стучаются один о другой. Так-так, так-так!.. Ну прямо как вагоны.

Вдруг слышит Васька – упало что-то рядом. Видит – стрела. И видит он, что высунул из дыры голову Колька, и жалко этому Кольке нечаянно улетеvшей стрелы, и боится он пролезть за нею.

Посмотрел Васька и говорит:

– А хочешь, Колька, я тебе стрелу подам?

Покраснел Колька и молчит.

Слез тогда с паровоза Васька, поднял стрелу и подал Кольке. Взял Колька стрелу, ничего не сказал и ушёл.

Походил, походил, а потом высунулся опять из дыры и кричит:

– А у меня, Васька, свисток, как у кондуктора, есть! Хочешь, я тебе дам поиграть? Только не насовсем.

Принёс Колька свисток да так и остался на Васькином дворе. Наигрались и сговорились завтра утром за грибами идти.

Подошёл Колька к забору и кричит:

– Нюрка! Пойдёшь завтра за грибами?

А Нюрка боится.

– Вы, – говорит, – опять драться будете...

– Ну вот, драться... Что мы, хулиганы, что ли? Это только

хулиганы каждый день дерутся. А мы разве каждый?..

Так и помирились.

Васька был неграмотным – мал ещё. А Колька немного грамоте знал. Вечером, перед тем как лечь спать, подошёл он к календарю, оторвал листочек и прочёл на нём: «Вторник». Посмотрел на оставшийся листок и прочёл: «Среда».

«Завтра уже среда», – подумал Колька и похвалился перед матерью.

– А я знаю, мама, почему среда средой называется. Это потому, что она посередке недели висит. Верно я говорю?

– Верно, – согласилась мать. – Ты бы лучше спать шёл.

«И то правда, – подумал Колька. – Завтра вставать за грибами рано... в шесть часов».

Когда Колька уснул, вернулся с какого-то собрания отец. Посмотрел он на календарь и спросил:

– Разве у нас завтра среда?

– Нет, – ответила мать, – завтра ещё только вторник. Это Колька по ошибке лишний листок вырвал. Вот оно и получилось, что завтра среда.

Вероятно, Колька и Васька проспали бы, если бы их не разбудила Нюрка. Солнце ещё только взошло, трава была мокрая, и сначала босым ногам было холодно.

Направились в перелесок. Но грибов в перелеске попадалось немного, и ребята решили свернуть к Тихим оврагам, где кусты были погуще, а место посуше.

В корзине у Нюрки и Кольки лежало уже по нескольку штук, а у Васьки всё ещё ни одного.

– Ты, Нюрка, не иди со мной рядом, – попросил он, – а то ты всё раньше меня срываешь. Ты иди лучше вбок, там и срывай.

– А ты не зевай, – ответила Нюрка и, кинувшись в кусты, вытащила оттуда большой крепкий берёзовик. – Вот смотри, какой ты гриб прозевал.

– Я не прозевал, – уныло ответил Васька, – я только хотел за куст посмотреть, а ты уже и выскочила.

Но вскоре, когда очутились они возле Тихих оврагов, то грибы начали попадаться так часто, что даже Васька нашёл четыре осиновика да один белый – здоровый и без одной червинки.

Так бродили они по кустам долго, и уже высоко поднялось солнце и подсохла роса на полянках, когда вышли они на опушку.

– А ну-ка... а ну-ка, – сказал Колька, – посмотрите, ребята, куда мы зашли.

Высокий кустарник кончился. Дальше, насколько хватал глаз, расстилалось перед ними холмистое, покрытое мелкой порослью поле. И через то поле не пролегала ни одна проезжая дорога – всюду только кустики да трава. Торчало на том поле несколько высоких деревянных башенок, с пустыми площадками наверху. А вправо, не дальше чем за километр, увидели ребята ту самую деревеньку с мельницей и церко-

вью, которая видна была с окраины их посёлка.

– Пойдёмте посмотрим, – предложил Колька. – Мы скоренько... Посмотрим только, а потом спустимся под гору да всё прямо, прямо... Так к дому и выйдем.

– А вдруг стрелять начнут?

– А что, если красноармейцы приедут? – почти в один голос спросили Васька и Нюрка.

– Сегодня не приедут. Сегодня среда, – успокоил их Колька. – Пойдёмте посмотрим да и домой.

Идти пришлось по кочковатому, поросшему полю. И чем ближе подходили они, тем чаще попадались им бугры свежей, ещё не заросшей травой земли, узкие глубокие канавы и круглые, залитые дождевой водой ямки.

Казалось, что огромный крот ещё совсем недавно рылся в этом пустом и тихом поле.

– Это от снарядов, – догадался Колька. – Попадёт снаряд в землю, рванёт – вот тебе и яма. А вот это окопы. Сюда от пуль солдаты прячутся во время войны.

– Грязно очень, Колька, – с недоумением заглядывая в сырую глиняную канаву, сказала Нюрка. – Сюда если спрячешься, то вся вымажешься, потому что...

Но тут Васька, копавшийся около маленького кустика с почерневшей, точно опалённой листвой, закричал:

– Вот и нашёл!.. Вот это так нашёл!..

И он побежал к ним, держа что-то в руках.

Сначала ребята думали, что он тащит гриб, но когда он

подбежал, то увидели они, что это не гриб, а толстый кусок металла с неровными острыми краями.

– Это осколок от снаряда, – опять догадался Колька. – Ты отдай мне его, Васька... Я тебе за него три гриба дам. Потрогай-ка, Нюрка, какой он тяжёлый.

Но Нюрка поспешно отдёрнула руку и стала за спину Васьки.

– Положи его, Коленька, – робко попросила она. – А то вдруг он да и выстрелит.

– Глупая! – успокоил её Колька. – Он уже выстреленный. Как же он без пороха выстрелит? Дай мне его, Васька, – попросил он опять, – а я тебе за него три гриба дам, да ещё стрелу с гвоздём дам, как только домой придём.

– Что грибы! – ответил Васька, бережно засовывая осколок в корзину. – Грибы съешь, да и всё. Я лучше не дам тебе его, Колька. Пускай он у меня будет. – Он помолчал, потом добавил: – А ты будешь приходить и смотреть. Как ты попросишь, так я тебе и дам посмотреть. Что мне, жалко, что ли? Смотри сколько хочешь.

* * *

Они подходили к деревеньке. Не видно было ни мужиков, ни ребятишек. Не хрюкали свиньи, не мычали коровы, не лаяли собаки, как будто бы все повымерли.

– Я говорил, что все ушли отсюда, – тихо сказал Колька. –

Разве же тут можно жить? Смотри, какие снарядные ямины.

Сделали ещё несколько шагов и остановились, широко вытаращив глаза. Только теперь разглядели они, что деревеньки-то никакой и нет. И мельница, и церковь, и домики сделаны были из тонких выкрашенных досок, без стен и без крыш.

Как будто бы кто-то огромными ножницами вырезал раскрашенные картинки и приклеил их на подставки среди зелёного поля.

– Вот так деревня! Вот так мельница! – закричал маленький Васька. – А мы-то думали, думали.

Со смехом вбежали ребята в игрушечную деревеньку. Кругом росла высокая трава, было тихо. Жужжали шмели, и порхали яркие бабочки.

Ребята бегали вокруг раскрашенных домиков, рассматривая их со всех сторон. Здесь же, неподалёку, были врыты столбы, к которым были прибиты тяжёлые, толстые доски, в некоторых местах разорванные и расщеплённые снарядами. Это были мишени, по которым стреляли артиллеристы. Перед обманчивой деревенькой тянулись в два ряда изломанные окопы, окутанные ржавой колючей проволокой.

Вскоре ребята наткнулись на какой-то погреб. Дверь в погреб была приоткрыта. С робостью спустились они по каменным ступенькам и очутились в глубоком каменном подвале, куда едва доходил слабый дневной свет.

В подвале стояла скамья. К стене была приделана полочка,

а на полочке торчал небольшой огарок свечи.

– Зажжём свечку, – предложил Колька. – У меня спички есть. Я с собой захватил, чтобы костёр разжечь.

Он достал спички, но тут они услышали доносившийся сверху лошадиный топот.

– Побежим лучше домой, – тихо предложила Нюрка.

– Сейчас побежим. Там, наверху, кто-то есть. Как только проедут, так и побежим. А то заругаться могут. Вы, скажут, зачем сюда лазили?

Топот смолк. Ребята выбрались из погреба и увидели, как скачут, удаляясь, двое кавалеристов.

– Посмотри на вышку, – показал Васька, – вон на ту... Туда кто-то забрался.

Посмотрели – верно: на одной из вышек сидел человек, и отсюда он казался маленьким-маленьким, как воробей.

Хотели уже бежать домой, но тут Васька захныкал и заявил, что он в погребе позабыл осколок.

Полезли опять. Зажгли свечку. Теперь, при тусклом свете, можно было разглядеть сырые толстые стены из цемента и потолок, настланный из крепких железных балок.

Вдруг – глухой далёкий гул заставил вздрогнуть ребяташек. Как будто где-то упало на землю огромное тяжёлое бревно.

– Колька, – шёпотом спросила Нюрка, – что это такое?

– Не знаю, – также шёпотом ответил он.

Гул повторился, но теперь грохнуло уже совсем близко.

Ребятишки притихли и робко жались друг к другу. Васька раскрыл рот и, крепко сжимая найденный осколок, смотрел на Кольку. Колька хмурился, а по щеке Нюрки покатила слеза, и она сказала жалобно, готовая вот-вот заплакать:

– А мне, Колька, кажется... мне что-то кажется... что сегодня вовсе не среда...

– И мне тоже, – уныло сказал Васька. И вдруг громко заплакал, а за ним и остальные...

Долго плакали притаившиеся в углу, попавшие в беду ребятишки. Гул наверху не смолкал. Он то приближался, то удалялся. Бывали минуты перерыва. В одну из таких минут Колька полез наверх затем, чтобы закрыть верхнюю дверь. Но тут совсем неподалёку так ахнуло, что Колька скатился обратно и, ползком добравшись до угла, где тихо плакали Васька с Нюркой, сел с ними рядом. Поплакав немного, он опять пополз наверх, к тяжёлой, окованной железом двери погреба, захлопнул её и отполз вниз.

Гул сразу стих, и только по лёгкому дрожанию, похожему на то, как вздрагивают стены дома, когда мимо едет тяжёлый грузовик или трамвай, можно было догадаться, что снаряды рвутся где-то совсем неподалёку.

– До нас не дострелят, – ещё всхлипывая, но уже успокаивая своих друзей, сказал Колька. – Мы вон как глубоко сидим. И стены из камня, и потолок из железа. Ты... не плачь,

Нюрка, и ты не плачь, Васька. Вот скоро кончат стрелять, тогда мы вылезем да и побежим.

– Мы бы-ы... мы бы-ы-ст-ро побежим... – глотая слёзы, откликнулась Нюрка.

– Мы как... мы как припустимся, как при... припустимся, так и сразу домой... – добавил Васька. – Мы прибежим домой и никому ничего не скажем.

Огарок догорал. Пламя растопило последний кусочек стearина. Фитиль упал и погас. Стало темно-темно.

– Колька, – плаксиво прохныкала Нюрка, отыскивая в темноте его руку, – ты сиди тут, а то мне страшно.

– Мне и самому страшно, – сознался Колька и замолчал.

И в погребе стало тихо-тихо. Только сверху через толстые стены едва доносились заглушённые отзвуки частых разрывов, как будто бы кто-то вколачивал тяжёлые гвозди в землю гигантским молотком.

– Колька, Васька! – опять раздался жалобный голос Нюрки. – Вы чего молчите? И так темно, а вы ещё молчите.

– Мы не молчим, – ответил Колька. – Мы с Васькой думаем. Ты сиди и тоже думай.

– Я вовсе и не думаю, – откликнулся Васька, – я просто так сiju.

Он заворочался, пошарил, нащупал чью-то ногу и дёрнул за неё:

– Это твоя нога, Нюрка?

– Моя! – испуганно отдёргивая ногу, закричала Нюрка. –

А что?!

– А то, – сердитым голосом ответил Васька, – а то... что ты своей ногой прямо мне в корзину пхаешь и какой-то гриб раздавила.

И как только Васька сказал про гриб, так сразу же веселей стало и Кольке, и Нюрке, и самому Ваське.

– Давайте разговаривать, – предложил Колька, – или давайте песню споём. Ты пой, Нюрка, а мы с Васькой подпевать будем. Ты, Нюрка, будешь петь тонким голосом, я – обыкновенным, а Васька – толстым.

– Я не умею толстым, – отказался Васька. – Это Исайка умеет, а я не умею.

– Ну, пой тогда тоже обыкновенным. Начинай, Нюрка.

– Да я ещё не знаю какую, – смутилась Нюрка. – Я только мамину знаю, какую она поёт.

– Ну, пой мамину...

Слышно было, как Нюрка шмыгнула носом. Она провела рукой по лицу, насухо вытерла остатки слёз, потом облизала губы и запела тоненьким, ещё немного прерывающимся от недавнего волнения голосом:

– Ушёл казак на войну,
Бросил дома он жену.
Бросил свою деточку,
Дочку-малолеточку.

Ну, пойте последние слова: «Бросил свою деточку», – под-

сказала Нюрка.

И когда Колька с Васькой пропели, то Нюрка ещё звонче и спокойнее продолжала:

– С той поры прошли года,
Прошли, прокатились,
Все казаки по домам
Давно воротились.
Только нету одного,
Всеми позабытого,
Казачонка моего,
И-э-э-эх! – давно убитого...

Нюрка забирала всё звонче и звонче, а Колька с Васькой дружно подпевали обыкновенными голосами. И только когда наверху грохало уж очень сильно, то голоса всех троих чуть вздрагивали, но песня всё же, не обрываясь, шла своим чередом.

– Хорошая песня! – похвалил Колька, когда они кончили петь. – Я люблю такие песни, чтобы про войну и про героев. Хорошая песня, только что-то печальная.

– Это мамина песня, – объяснила Нюрка. – Когда у нас на войне папу убили, вот она такую песню всё и пела.

– А разве у тебя, Нюрка, отец казак был?

– Казак. Только он не простой казак был, а красный казак. То всё были белые казаки, а он был красный казак. Вот его за это белые казаки и зарубили. Когда я совсем маленькая была, то мы далеко, на Кубани, жили. А потом, когда папу убили, мы сюда, к дяде Фёдору, на завод приехали.

– Его на войне убили?

– На войне. Мать рассказывала, что он был в каком-то от-

ряде. И вот говорит один раз начальник отцу и ещё одному казаку: «Вот вам пакет. Скачите в станицу Усть-Медвединскую, пусть нам помощь подадут». Скачет отец да ещё один казак. Уже и кони у них устали, а до Усть-Медвединской всё ещё далеко. И вдруг заметили их белые казаки и пустились за ними вдогонку. У белых казаков лошади свежие, того и гляди догонят. Тогда отец и говорит ещё одному казаку: «На тебе, Фёдор, пакет и скачи дальше, а я возле мостика останусь». Слез он с коня возле мостика, лёг и начал стрелять в белых казаков. Долго стрелял, до тех пор, пока пробрались казаки сбоку, через брод. Тут они и зарубили его. А Фёдор – этот другой-то казак – в это время далеко уже ускакал с пакетом, так и не догнали его. Вот какой у меня папа казак был! – закончила рассказывать Нюрка.

Сильный грохот заставил вскрикнуть ребятишек. Должно быть, ветром, пробравшимся через щель, распахнуло верхнюю дверь. И раскаты взрывов ворвались в погреб.

– Колька... зак-к-рой! – заикаясь, закричал Васька.

– Закрой сам, – ответил Колька. – Я уже закрывал.

– Закрой, Колька! – громко расплакавшись, повторил

Васька.

– Эх ты! – неожиданно вставая, крикнула возбуждённая своим же рассказом Нюрка. – Эх вы... – Она отбросила Васькину руку, добралась до верхней двери, захлопнула её и задвинула на запор.

Гул смолк.

Опять замолчали. И так сидели долго. До тех пор, пока Колька, который чувствовал себя виноватым и перед маленькой Васькой, и перед Нюркой, не сказал:

– А ведь наверху-то больше не стреляют.

Прислушались – наверху тихо. Подождали ещё минут десять – так же тихо.

– Бежим домой! – вскакивая, крикнул Колька.

– Домой, домой, – обрадовался Васька. – Вставай, Нюрка!

– Я боюсь... – захныкала Нюрка. – А вдруг как опять...

– Бежим! Бежим! – в один голос закричали Колька и Васька. – Не бойся, мы как припустимся...

Выбрались наверх. После чёрного подвала день показался сияющим, как само солнце.

Осмотрелись.

Тяжёлые деревянные щиты, что стояли не очень далеко от погреба, были разбиты. Повсюду валялись разбросанные щепки, и чернели ямы возле ещё не обсохшей раскиданной земли.

– Бежим, Нюрка! Дай я возьму твою корзину, – подбадривал её Колька. – Мы быстренько...

Перепрыгнули через окоп, пробрались через проход среди колючей разорванной проволоки и побежали под гору. Толстый Васька с неожиданной прытью помчался впереди, одной рукой держась за корзинку, другой крепко сжимая драгоценный осколок.

Колька и Нюрка бежали рядом, и Колька свободной левой рукой помогал ей тащить большую неуклюжую корзину.

Они уже спустились со ската и бежали теперь по мелкой поросли, как воздух опять задрожал, загудел, и снаряд, проносясь где-то поверху, разорвался далеко в стороне и позади них.

Нюрка неожиданно села, как будто бы в ноги ей попал осколок.

– Бежим, Нюрка! – закричал Колька, бросая свою корзину и хватая её за руку. – Оставь корзину! Бежим!

Артиллерийский наблюдатель с площадки вышки заметил среди мелкого кустарника три движущиеся точки.

«Вероятно, козы», – подумал он, поднося к глазам сильный бинокль. Но, присмотревшись, он ахнул и, схватив телефонную трубку, крикнул на батарею, чтобы стрелять перестали.

В бинокль он ясно увидел, как, то показываясь, то исчезая за кустами, по полю мчатся двое мальчуганов и одна девочка.

Один мальчуган крепко держал за руку девочку. Другой, путаясь ногами в высокой траве, запинаясь и спотыкаясь, бежал немного позади, крепко прижимая что-то обеими руками к груди. Затем он увидел, как из-за кустов вылетели двое посланных с батареи кавалеристов и, остановившись около ребят, соскочили с коней.

Конвоируемые двумя красноармейцами, ребята дошли до батареи. Командир был рассержен тем, что пришлось остановить учебную стрельбу, но, когда он увидел, что виноваты в этом трое перепуганных и плачущих малышей, он перестал сердиться и подозвал их к себе.

– Как вы пробрались через оцепление? – спросил он.

Ребята молчали. И за них ответил один из конвоиров:

– А они, товарищ командир, забрались ещё спозаранку, до того, как было выставлено оцепление. А потом, когда наши разъезды кусты осматривали, так они говорят, что в погребке сидели. Я думаю, что они в четвёртом блиндаже сидели. Они как раз с той стороны бежали.

– В четвёртом блиндаже? – переспросил командир. И, подойдя к Нюрке, погладил её. – В четвёртом блиндаже! – повторил он, обращаясь к своему помощнику. – А мы-то как раз этот участок обстреливали. Бедные ребята! – Он провёл рукой по разлохматившейся голове Нюрки и спросил ласково: – Скажи, девочка, а зачем вы туда забрались?

– А мы деревеньку... – тихо ответила Нюрка.

– Мы хотели деревеньку посмотреть, – добавил Колька.

– Мы думали, она настоящая, а там одни доски, – вставил Васька, ободрённый добрым видом командира.

Тут командир и красноармейцы заулыбались. Командир посмотрел на Ваську, который прятал что-то за спину.

– А что это у тебя в руках, мальчуган?

Васька засопел, покраснел и молча протянул командиру

снарядный осколок.

– Это он не взял, это он под кустом нашёл, – заступился за Ваську Колька.

– Это я под кустом, – виновато ответил Васька.

– Да зачем он тебе нужен?

Тут командир опять заулыбался, а обступившие их красноармейцы громко рассмеялись. И Васька, который никак не мог понять, над чем они смеются, ответил им, нахмурившись:

– Так ведь этакого осколка ни у кого нет, а у меня теперь есть.

– Ну, бегите, – сказал им командир. – Эх вы... малыши!

Он повернулся, посмотрел в записную книжку и закричал уже совсем другим голосом – громким и строгим:

– Стрелять третьему оружию! Прицел 6–6, трубка 6–2!

Трах-ба-бах! – грохнуло позади ребят, когда вприпрыжку, довольные тем, что легко отделались, понеслись они домой. Трах-ба-бах... Но это уже было не страшно.

В выходной день приехал с отцом Исайка. Привёз он с собой ружьё, которое стреляло пробками, и стал хвалиться ружьём перед Васькой. И странное дело: на этот раз Ваське нисколько не завидно было, что у Исайки есть ружьё,

а у него нет.

Пока Колька и Нюрка рассматривали и хвалили Исайкино ружьё, Васька пошёл домой, отодвинул ящик, в котором лежали: сломанный ножик, мячики – один с дыркой, большой, другой без дырки, маленький, молоток, гайки, три гвоздя и ещё кое-что из его имущества. Он вынул из этого ящика бережно завернутый, найденный на военном поле осколок и понёс его Исайке.

– А у меня вот что есть, Исайка, – сказал он, подавая осколок.

Но Исайка то ли глуп был, то ли он не хотел показать вида, а только он равнодушно посмотрел на осколок и сказал Ваське:

– Ну это-то что! У нас в чулане старых железин сколько хочешь.

Васька даже не обиделся. Он посмотрел на Нюрку, на Кольку; они хитро улыбнулись друг другу и вчетвером побежали на окраину, где начиналось военное поле.

Артиллеристы в тот день не приезжали. Ребята показали Исайке, где становятся пушки, объяснили ему, для чего среди поля стоят деревянные башенки. Рассказали ему, какая странная раскинулась на горе деревенька, около которой и окопы, и каменный, с железным потолком погреб, который называется «блиндаж». Они рассказали ему, как попали в блиндаж и как сидели там до тех пор, пока окончилась стрельба.

Исайка слушал с любопытством, но когда они кончили рассказ, то он сказал довольно равнодушно:

– Жалко, что меня с вами не было. А то я бы тоже полез сидеть. Пойдёмте сыграем в чижа.

И опять улыбнулись Васька, Колька и Нюрка.

Глупый, глупый Исайка! Он думает, что в блиндаже сидеть так же просто, как играть в чижа.

Он не слышал ещё ни разу орудийного залпа. Он не видел ни дыма, ни огня взрывающегося снаряда. Ему не приходилось закрывать тяжёлую дверь блиндажа, как Кольке и Нюрке, и не приходилось бежать с тяжёлым осколком в руках по изрытому воронками полю, как Ваське.

И, переглянувшись, Васька, Колька и Нюрка рассмеялись над добрым толстым Исайкой весело и снисходительно, как взрослые люди смеются над ребёнком.

А когда Исайка поднял на них свои глаза, удивлённые и обиженные этим непонятным смехом, то они схватили его за руки и потащили играть в чижа.

Голубая чашка

Мне тогда было тридцать два года. Марусе двадцать девять, а дочери нашей Светлане шесть с половиной. Только в конце лета я получил отпуск, и на последний тёплый месяц мы сняли под Москвой дачу.

Мы со Светланой думали ловить рыбу, купаться, собирать в лесу грибы и орехи. А пришлось сразу подметать двор, подправлять ветхие заборы, протягивать верёвки, заколачивать костыли и гвозди.

Нам всё это очень скоро надоело, а Маруся одно за другим всё новые да новые дела и себе и нам придумывает.

Только на третий день к вечеру наконец-то всё было сделано. И как раз когда собирались мы втроём идти гулять, пришёл к Марусе её товарищ – полярный лётчик.

Они долго сидели в саду, под вишнями. А мы со Светланой ушли во двор к сараю и с досады взялись мастерить деревянную вертушку.

Когда стемнело, Маруся крикнула, чтобы Светлана выпила молока и ложилась спать, а сама пошла проводить лётчика до вокзала.

Но мне без Маруси стало скучно, да и Светлана одна в пустом доме спать не захотела.

Мы достали в чулане муку. Заварили её кипятком – получился клейстер.

Оклеили гладкую вертушку цветной бумагой, хорошенько разгладили её и через пыльный чердак полезли на крышу.

Вот сидим мы верхом на крыше. И видно нам сверху, как в соседнем саду, у крыльца, дымит трубой самовар. А на крыльце сидит хромой старик с балалайкою, и возле него толпятся ребяташки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.